

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ до середины XIX века

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.3(5)Г(2)
И90

Ответственные редакторы

Г. Ф. КИМ | П. М. ШАСТИТКО

Редакционная коллегия:

А. П. БАЗИЯНЦ, А. А. ВИГАСИН,
В. Г. ВОЛОВНИКОВ, А. Н. КОНОНОВ,
Н. Н. НАЗИРОВА (секретарь редколлегии),
В. Н. НИКИФОРОВ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР*

И90 **История** отечественного востоковедения до се-
редины XIX века.— М.: Наука. Главная редакция
восточной литературы, 1990.— 435 с.
ISBN 5-02-016933-1

В книге показано развитие отечественной ориенталистики от первых сведений на Руси о Востоке до середины, точнее до 60-х годов, XIX века. На архивном и историографическом материале изложены предыстория и основные этапы становления российского востоковедения; показаны процессы накопления исследователями материала, начала изучения источников, организационного оформления отечественного востоковедения. Здесь приводятся творческие биографии российских востоковедов, характеризуются научные концепции и научные школы в рассматриваемый период.

И 0503010000-208
013(02)-90 27-90

ББК 63.3(5)Г(2)

ISBN 5-02-016933-1

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1990

СТАНОВЛЕНИЕ ИНДОЛОГИИ В РОССИИ

Изучение Индии и индийских языков в России отставало в первой половине XIX в. от изучения Ближнего Востока и Китая. Индия непосредственно не граничила с Россией, к тому же находилась в колониальной зависимости от Англии. Энтузиасты, пытавшиеся все же овладеть хотя бы частью богатств индийской истории и культуры и познакомиться с ними соотечественников в России, оставались в то время одиночками. Гуманистические традиции индология усвоила начиная с самых первых шагов. Первым русским индологом был Г. С. Лебедев.

Г. С. ЛЕБЕДЕВ

В начале XIX в. из Англии на родину в Россию вернулся Герасим Степанович Лебедев, перед тем долгое время (1785—1797) проведший в Индии. Он не имел специальной научной подготовки (закончил только церковно-приходскую школу), тем не менее впервые проявил подлинный интерес к изучению языков и культуры Индии.

Лебедева называют первым «русским индианистом», основоположником русской индологии, индийским просветителем, к тому же еще талантливым артистом и музыкантом. Все эти определения имеют под собой почву, хотя его работы, посвященные индийским языкам и культуре, несут лишь характер практических пособий, описательны и почти не содержат элементов исследования.

Лебедев первым из русских самостоятельно изучил два новоиндийских языка — бенгальский и калькуттскую разговорную форму хиндустани, сделал первые переводы с этих языков на русский и, более того, писал по-бенгальски и переводил на бенгальский с английского и русского так, что бенгальцы воспринимали его переводы как свои подлинные тексты. В этом его отличие от англичан, которые в Индии предпочитали разговаривать по-английски, а изучение индийской культуры начали не с живых индийских языков, а с классического санскрита.

В основе работ Лебедева лежал интерес к культуре проживающего «за тремя морями» народа, у которого столько же оснований на независимое существование и самостоятельность, как

у русского и европейских народов: «Индийцы нимало не похожи на диких и... более имеют справедливость приписывать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожадные лютые звери», — писал Лебедев в самой крупной и важной своей работе об Индии «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов...»¹, имея в виду заявления англичан о диких нецивилизованных варварах, которым они принесли свет и культуру. Гуманизм, доброжелательность, стремление проникнуть в самую суть индийской культуры — вот черты, делающие фигуру Лебедева особенно привлекательной.

Большинство исследователей сходятся на том, что Лебедев родился в 1749 г. в г. Ярославле в семье священника, который со временем обеднел, переехал в Петербург и устроился певчим в придворную капеллу. Лебедев прибыл к отцу в возрасте 15 лет, в Петербурге научился грамоте и музыке (играл на виолончели) и в 1777 г., как музыкант, выехал из России с посольством графа А. К. Разумовского в Неаполь. В Вене посольство задержалось, и Лебедев отправился путешествовать по Европе самостоятельно, зарабатывая на жизнь концертами. Путешествие его продолжалось около пяти лет, материалов об этом периоде его биографии почти нет, можно только полагать, что у Лебедева действительно были незаурядные музыкальные дарования, ибо избалованная европейская публика благосклонно относилась к русскому музыканту.

Знакомство с А. А. Самборским и Я. И. Смирновым (Линницким), которые жили в Лондоне и в разные периоды служили там в русской посольской церкви, пробудило у Лебедева интерес к Индии, и он стал мечтать о поездке в эту страну и об изучении санскрита. В то время английские ученые как раз делали первые шаги в освоении этого языка. Благодаря помощи русского посла в Англии графа С. Р. Воронцова Лебедеву удалось получить разрешение на въезд в Индию. И вот 12 февраля 1785 г. он сел в Гревсэнде на корабль Ост-Индской компании «Родней» и 15 августа того же года прибыл в Мадрас.

О дальнейшем мы узнаем из «Меморандума», написанного Лебедевым примерно в феврале 1797 г. и посвященного его жизни в Индии². Свою деятельность здесь он начал как музыкант. Градоначальник Мадраса капитан Вильям Сиденгэм, послушав игру Лебедева, заключил с ним договор на два года, по которому музыкант за жалованье 200 ф. ст. в год обязался играть для увеселения английского общества Мадраса. Два года прошли, по словам Лебедева, «гармонично» и «приятно», и он решил переехать в Бенгалию, чтобы увеличить свои заработки и расширить круг знаний. Дело в том, что в Мадрасе Лебедев смог познакомиться только с тамильским языком и, очевидно, малайламским. Учителя санскрита на юге найти не удалось.

Подгоняемый жаждой изучить санскрит, Лебедев приехал в Калькутту, где в ходу были два разговорных языка: бенгальский

и хиндустани. И здесь долго не удавалось найти учителя санскрита, которым, согласно древним индийским традициям, мог быть только брахман. Помог музыкальный талант: Лебедев был принят во всех салонах местной английской знати, концерты его пользовались большим успехом, слава о новом музыканте быстро распространилась и среди местного населения. В результате нашелся учитель санскрита — бенгалец Голокнат Даш (санскр. Голокнатх Дас), который согласился обучать Лебедева санскритскому, бенгальскому и хиндустани. «Что было особенно удачно,— пишет автор „Меморандума“, — так это то, что он не меньше желал обучаться музыке у меня, чем я хиндустанским языкам у него». Прежде всего Голокнатх Дас начал обучать «санскритской азбуке, поскольку это — золотой, все открывающий ключ к неоценимым сокровищам восточных наук и знания»³.

В течение нескольких лет Лебедев упорно занимался, в ходе обучения он сам создавал учебные пособия, которые заслужили похвалу со стороны индийцев. Брахманы сознательно, в «корыстных целях» «замаскировали» санскрит так, чтобы обучение этому языку было полностью «скрыто от всего мира, кроме них самих». В результате Лебедев составил словарь и несколько диалогов на разные темы на бенгальском языке и на хиндустани, но не научился свободно говорить на этих языках, пока не написал их грамматику и не уяснил разницу между отдельными разговорными диалектами. После этого он смог перевести на бенгальский язык две английские пьесы: «Притворство» (в сокращенном варианте) и «Любовь — лучший врач». Пьесы не просто были переведены, а переделаны в духе бенгальских шуточных спектаклей, разыгрываемых на базарах, с помощью введения в них традиционных бенгальских карикатурных фигур — «стражей (чокидаров), савоярдов (т. е. бродячих музыкантов и фокусников.— Авт.)... воров (гхунья), а кроме того, законников и высококочтимой банды мелких грабителей во главе с мелким своекорыстным писцом очень небольшого суда, который нагло осмеливается взять своим девизом Совесь». С помощью своего учителя Лебедев нашел актеров и актрис среди местного населения, построил по собственному проекту «вместительный театр на улице Домтолла № 25 в центре Калькутты» и дал два представления пьесы «Притворство», имевших успех у бенгальской публики⁴.

После этого Лебедев получил разрешение ставить спектакли не только на бенгальском, но и на английском языке, чем вызвал сильное недовольство своих конкурентов — артистов английского театра Ост-Индской компании. Доверчивый и недалекновидный Лебедев был с большой легкостью доведен до полного разорения, потерял всю труппу, сам театр, запутался в паутине интриг, ложно был обвинен в неуплате жалованья и долгов и попал за решетку. Только ценители его музыкального таланта помогли ему выпутаться из всей этой истории.

Но оставаться в Индии он больше не хотел. Собрав, очевидно с помощью концертов, небольшую сумму денег, Лебедев начал переписку с друзьями в Лондоне — А. А. Самборским и Я. И. Смирновым, а также со своим покровителем графом С. Р. Воронцовым о сборе средств на снаряжение двух больших кораблей и о предоставлении ему паспортов на право вывоза на этих кораблях из Индии различных товаров, которые он обязался купить на собственные деньги и с помощью дружелюбно к нему расположенных индийских купцов по баснословно дешевой цене, с тем чтобы начать постоянную русско-индийскую торговлю, которая принесет большую выгоду России⁵. Просьба Лебедева удовлетворена не была. В ноябре 1797 г. он отплыл из Калькутты в Лондон.

В Индии Лебедев написал ряд пособий для изучения бенгальского языка, которые опубликовать на месте ему не удалось. В упомянутом выше письме к А. А. Самборскому он перечисляет все, что ему удалось составить в Индии: «Не друзей только российских обществ и человеческого рода позабавить, а больше для пользы возрастающих в обширно цветущей России старался узнать и научиться бенгальскому и общему смешанному гиндостанскому языкам и сколько мог шанскритскому, дабы тем напомнить и уверить, что без знания оных странствующих, как и я, в разных государствах Гиндостанской земли о многом никогда не допытается... Перевел краткой, но употребительный вообще словарь, написал несколько разговоров, часть календаря... четыре начальные арифметические деления. И также перевел из древних книг экстракт героического стихотворства, написанной славным Гиндостанского света писателем... Бгарот-Чондро-Раи... Смысл слов и произношения писал по-русски под бенгальскими словами...»

По приезде в Лондон Лебедев начал публикацию своих исследований по индийским языкам. В 1801 г. вышла в свет его грамматика разговорного хиндустани⁶. К этому времени было уже написано несколько европейских грамматик хиндустани. Две из них Лебедев знал: грамматику Г. Хэдли и грамматику Дж. Фергюссона. Оба эти пособия построены по принципам классических латинских грамматик. Русский исследователь решил пойти по другому пути, объединив европейскую и индийскую грамматические традиции. В истории русской индологии этот опыт был не только первым, но и единственным: русские ученые по такому пути не пошли. Поскольку объектом исследования Лебедева был не общепринятый хиндустани, а его калькуттская разговорная форма, то, естественно, грамматика в нем была проще, а количество вариантов одной и той же грамматической формы — больше, чем в обычном хиндустани. Это был живой, «базарный» язык со множеством диалектизмов и грамматических форм из других индийских языков, употребляющихся, как правило, в их оригинальном произношении. Грамматика Лебедева ценна не системой описания нового языка, а тем,

что в ней зафиксирован один из разговорных языков Северной Индии второй половины XVIII в. В этом состоит ее важное научное значение, которое не утрачено и в наши дни. Материалы грамматики Лебедева использованы в исследованиях советских языковедов-индологов⁷.

В том же, 1801 г. Лебедев прибыл в Петербург. 24 октября он подал прошение на имя императора Александра I с описанием своих странствований по Европе, Африке (на обратном пути из Индии Лебедев побывал в Южной Африке) и Индии и с просьбой издать на казенный счет его труды об индийских языках⁸. Прошение было принято благосклонно и спущено по инстанциям: сначала петербургскому генерал-губернатору М. И. Голенищеву-Кутузову с изъявлением «монаршей воли» помочь Лебедеву, затем статс-секретарю Д. П. Трошинскому, и наконец, оно дошло до президента Академии наук А. Л. Николаи, который ответил, что для напечатания трудов Лебедева необходима типография со специальными шрифтами. Петербургские власти пошли на то, чтобы закупить необходимые индийские шрифты. Лебедев по их просьбе составил смету на типографские расходы по печатанию своих трудов. Эта смета интересна тем, что из нее мы узнаем, какие работы по индийским языкам он приготовил к изданию. Одновременно в смете указан объем работ. В списке, составленном Лебедевым 2 декабря 1801 г., значатся следующие его труды⁹:

1. Санскритский алфавит, употребляемый во всей Восточной Индии, и цифры: «Азбучных и цифирных букв надлежит вырезать 172... за каждую букву для наборов по 10 рублей, за 172 буквы — 1720 руб.».

2. «Словарь на бенгальском и российском языках и на индийском диалекте (т. е. хиндустани.— *Авт.*). Напечатается на 48 листах в четвертку каждая книга... по 20 рублей за лист».

3. «Бенгальского языка грамматика (и провинциальных диалектов, которыми переписываются по всей Восточной Индии, и особенно по коммерческим целям) на российском, индийском, английском языках напечатается на 73 листах в четвертку... по 30 руб. за лист».

4. «Всенайдревнейшая брагменная хронология на индийском, российском и английском языках... на 24 листах в четвертку каждая книга... по 30 руб. за лист с табелями».

5. «Две комедии, неоднократно представленные в Калкоте... на 60 листах в четвертку. Каждая книга на бенгальском, российском и английском языках... по 30 руб. за лист».

6. «Лирической поэмы перевод одного волюма на бенгальском и российском языках... на 48 листах в четвертку каждая книга... по 15 руб. за лист».

7. «Сочинителява жизнь и путешествие, на российском языке... на 96 листах в четвертку каждая книга по 15 руб. за лист».

Таким образом, «всего потребуется сумма на 15 522 рубля».

Под «лирической поэмой» (п. 6) Лебедев имеет в виду сочи-

нение, о котором он рассказывает в письме от 16 июля 1797 г. графу С. Р. Воронцову: «Героическая поэма на бракосочетание бордгманского (бордванского) государя дочери, написанная лучшим писателем Шри-Бгарот-Чондро-Раи»¹⁰. Из всего указанного списка сохранились в рукописях только комедии, переведенные с английского на бенгальский язык, и поэма бенгальского поэта Бхарат Чондро Рая «Бидде Шундор» (переписанный рукой Лебедева бенгальский текст первой части, его транскрипция русскими буквами и подстрочный русский перевод)¹¹. Кроме того, сохранилась не указанная в списке рукопись Лебедева, содержащая материалы по грамматике, лексике и фразеологии бенгальского языка и калькуттской формы разговорного хиндустани, по индийской арифметике и др.¹².

Лебедев привез с собой небольшую коллекцию, состоящую из семи индийских рукописей. Они попали в Азиатский музей позднее, в 1835 г., уже после его смерти, в составе первой коллекции Шиллинга фон Канштатт, были описаны русским санскритологом середины XIX в. П. Я. Петровым и в настоящее время хранятся в Рукописном отделе ИВ¹³.

В январе 1802 г. Лебедев подал второе письмо-прошение на имя Александра I, где указывалась общая сумма, необходимая для издания его трудов (с оплатой бумаги, типографских расходов и заработной платой наборщикам) — 10 тыс. руб. В том же письме содержится просьба о назначении Лебедева на службу по дипломатическому ведомству. Цель издания трудов по индийским языкам Лебедев формулирует так: «Желание показать свету сокровенную досель мудрость древнейших брагминов, содержащуюся в их хронологии...». Сохранилась также его записка на имя статс-секретаря Д. П. Трошинского, в которой Лебедев просит дать ему профессорский чин: «Причисление к иностранной части с чином профессора [бенгальского языка и индийских диалектов] и жалованье против оклада, профессорам Академии наук определенному, составят мое благополучие»¹⁴.

Наконец, 29 января 1802 г. был издан именной указ Александра I о присуждении Лебедеву звания профессора восточных языков и зачислении его в Академию наук с жалованьем 1800 руб. в год «из почтовых расходов». Однако зачисление Лебедева в Академию наук не состоялось. О причинах мы узнаём из письма президента Академии наук А. Л. Николаи статс-секретарю Трошинскому от 31 января 1802 г. Николаи говорит о необходимости особого высочайшего указа, который разрешил бы президенту Академии наук назначить Лебедева на соответствующую должность и положить ему определенное жалованье, поскольку подобных прецедентов в Академии еще не было: «1. ... правило в подобных случаях во всех учебных обществах и в Академии наук... состоит в том, чтобы человек, желающий удостоен быть звания профессора, показал опыт знания своего сочинениями и чтобы люди, в том же роде учения упражняющиеся, судя по оным, засвидетельствовали о его достоинстве.

А как при Академии нет никого, кто бы судить мог о знании Г. Лебедева, то по сему Академия сама собою, без высочайшего повеления, Г. Лебедева звания профессора восточных языков удостоить не может; 2. ...Регламентом Академии, которым она по сие время управляется... профессора восточных языков не положено... Наконец, не только никто из профессоров, но ниже из академиков, в высших науках упражняющихся, не имеет счастья получить жалованья по 1800 руб. в год»¹⁵.

Формально Николай был прав: академиком по восточным языкам в Академии не было со времен Г.-З. Байера (ум. 1738). Однако случай был исключительный, одна из работ Лебедева была уже издана в Лондоне, остальные были представлены в рукописях, и отзыв на них можно было запросить у зарубежных востоковедов, с которыми было легко установить контакты через того же графа С. Р. Воронцова. Узнав о положении дел, Александр I не пошел на назначение Лебедева профессором Академии наук, и 4 февраля 1802 г. последовал другой именной указ — об определении Г. С. Лебедева на службу в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел с чином коллежского асессора. Назначение состоялось, жалованье из «почтовых расходов» было перечислено. В Азиатском департаменте Лебедев проработал до своей смерти, наступившей 15 июля 1817 г., о чем имеется соответствующий «Рапорт экзекутора Коллегии иностранных дел». Служба Лебедева, очевидно, шла успешно: в 1811 г. он был пожалован в надворные советники, а в 1817 г. получил орден Св. Владимира 4-й степени. Он работал в должности переводчика и был загружен переводами с европейских языков, главным образом с английского¹⁶.

Научная деятельность Лебедева продвигалась довольно медленно. Преподавания индийских языков в России в то время еще не было, поэтому пособия по бенгальскому языку и по хиндустану, которые он готовил к изданию, не могли найти достойный круг читателей и воспринимались не более как забавное чтение. Тем не менее главный труд жизни Лебедева «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов...» все же был издан в 1805 г. в типографии, которую он организовал в собственном деревянном доме с помощью наборного бенгальского шрифта, отлитого в Германии на деньги, пожалованные правительством. Это была первая типография в Европе с индийским шрифтом. (В Англии санскритская грамматика Ч. Уилкинса была набрана в 1808 г. В 1816 г. санскритская типография была устроена в Варшаве Валентином Маевским¹⁷.) Сочинение Лебедева в настоящее время является библиографической редкостью. Рукопись его хранится в АВ (ф. 90).

Книга Лебедева — это не только первое русское описание культуры и быта индийцев с экскурсами в индийскую мифологию, философию, историю, географию и экономику. В ней содержатся элементы научного анализа, попытка связать индийские языки с европейскими и русским, а также определить место ин-

дийской культуры в мировой цивилизации. Лебедев пишет в предисловии к своей книге: «Важно: поелику Восточная Индия, кроме ее изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а может быть, и целый свет зависными взирает очами, есть та первенствующая часть света, из которой, по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земного круга расселился и которой национальный шомскритский язык не довольно со многими азиатскими, но и с европейскими языками имеет весьма ощутительное в правилах сближение»¹⁸. Близость с русским языком, которую Лебедев ясно ощущал при изучении санскрита, привела его к выводу о том, что транскрипция латиницей, до сих пор применявшаяся во всех европейских исследованиях по Индии, не точна, что русский алфавит может лучше передать индийские звучания. Поэтому в своих работах он пользовался русской транскрипцией.

Книга Лебедева состоит из трех частей и предисловия, в котором он рассказывает о себе и своем путешествии. Часть I (семь глав) — «О источниках брагменских просвещений, основанных на откровении в век первый лунный, называемый на шомскритском языке Шома Рит Анньо» (автор приводит бенгальское произношение санскритских слов) — посвящена индийской мифологии, религии и космологии. При изложении индийского материала Лебедев прибегает к сравнениям с православием. В части II (пять глав) — «О источниках индийских познаний, почерпаемых из природы в первоначальный век солнечный — по солнечной системе, и по лунной — во второй, именуемый Дуапор Чьуг» — приводятся сведения по индийской астрономии, и главным образом космографии. Подробно объясняется бенгальский календарь.

Наибольший интерес представляет часть III (семь глав) — «О священных брагменских обрядах и народных обычаях», поскольку в ней автор излагает то, что видел сам. Этот материал не утратил своего значения до настоящего времени. В первых трех главах — «О священных брагменских обрядах», «О храмах и украшениях, к оным принадлежащих» и «О главных праздниках Индийских, называемых пороби или пуроби и чудесных торжествах их (имеется в виду праздник полнолуния.— *Авт.*). Праздники первого месяца Войшака (начало года.— *Авт.*)» — содержатся сведения о быте индийского народа и о религиозных верованиях. В четвертой главе «О разности чинов и званий индийского народа» Лебедев описывает социальный строй Бенгалии конца XVIII — начала XIX в., дает первую в истории русской индологии трактовку четырех индийских каст «Чар Чьати» и подробно описывает структуру второй касты — кшатриев, называя 8 разрядов людей, к ней причисляемых, и третьей касты — вайшьев, указывая 36 профессиональных групп, которые в Бенгалии относятся к этой касте. Пятая глава называется «О нравах и обычаях индийцев»; в ней описывается жизнь бенгальского люда. В шестой главе — «О изобилиях Восточной Ин-

дии» — приводятся сведения по географии и экономике страны. Описывая богатства Индии, Лебедев останавливается на доходах Ост-Индской компании. Это один из первых в русской литературе документов о грабеже Индии Великобританией. В седьмой главе — «О торговле Индийской» — Лебедев дает перечень товаров, ввозимых европейцами в Индию, пытаясь обосновать необходимость установления прямых торговых контактов между Индией и Россией. Говоря о ввозе товаров, он начинает с англичан, «которые и хозяйствуют уже почти во всей Индии. Они привозят в Индию по большей части из России получаемые товары... Из чего не трудно усмотреть можете, любезные соотчичи, коликих мы лишаемся выгод, чрез сии толь многими оборотами доставляемые нам иностранцами нужные потребности»¹⁹.

В последние годы жизни Лебедев (ум. 1817) был занят подготовкой к изданию двух других своих работ, которые так и остались неопубликованными:

1. «Арифметические восточных индийцев таблицы», в которых перечислены все числительные на трех языках: санскрите, бенгальском и хиндустани. Особый интерес представляет собой сводка числительных хиндустани XVIII в. Тут же приведены системы мер и весов и способы перевода из одной системы в другую. На трех языках составил Лебедев и таблицу умножения. Рукопись аккуратно переписана и подготовлена к набору²⁰.

2. «Систематические восточных индийцев начальныя умозрительныя и существенныя основания арифметики». Подготовлен первый раздел, который рассматривает числовую символику индийской мифологии и философии²¹.

Из работ Лебедева по бенгальской грамматике среди архивных материалов никаких отрывков пока не обнаружено. Сохранилась только небольшая часть бенгальско-русского словаря²².

ИНДОЛОГИЯ В 30—50-е ГОДЫ XIX в.

Центром становления индийской филологии в России в 30-х годах явилась Петербургская Академия наук и Петербургский университет. У истоков индийской филологии стоял Роберт Христианович Ленц (1808—1836). С первых же шагов российской индологии не повезло: Ленц скончался в возрасте 28 лет, в начале своей самостоятельной научной деятельности, всего через год после возвращения из заграничной командировки, которая в значительной степени была подготовительным этапом его индологических изысканий. Однако во время этой командировки и за год работы в Петербургской Академии наук Ленц благодаря своим необыкновенным способностям и трудолюбию успел собрать большой материал.

До середины 60-х годов (т. е. до начала научной деятельности И. П. Минаева) главными направлениями в индийской филологии оставались изучение санскрита и перевод с санскрита

памятников древнеиндийской литературы, среди которых почти все санскритологи избирали для себя древнеиндийский эпос «Махабхарата», а также драмы и лирику выдающегося индийского поэта и драматурга V в. Калидасы. В научных планах и материалах, собранных для своих работ Ленцем, индийская филология была представлена гораздо шире: здесь были индийская поэтика и метрика, буддийская литература, пракриты и новоиндийские языки, литература на них, индийская палеография и даже музыка. Но, к сожалению, Ленц не успел оставить после себя учеников, и материалы, привезенные им, при отсутствии постоянной исследовательской работы в области индологии в Академии наук и Петербургском университете лежали неиспользованными в Азиатском музее, откуда перешли в Институт востоковедения АН СССР, где и поныне хранятся в Рукописном отделе в индийском фонде.

Ученые, работавшие в стенах Академии наук после Ленца, строили свои исследования по самостоятельным планам, в индологии не было единой линии преемственности научных идей, не было школы русских индологов.

Р. Х. Ленц родился 23 января 1808 г. в Дерпте (Тарту), окончил богословский факультет Дерптского университета со степенью кандидата, затем около года преподавал в Ревельском (Таллинском) благородном училище. В 1830 г. он переехал в Петербург, откуда в 1831 г. по собственной инициативе отправился в Берлин для занятий восточной филологией. Попав к Францу Боппу, основоположнику сравнительно-исторического метода в языкознании, он начал слушать у него санскрит и сравнительное языкознание. Эти занятия продолжались до 1833 г. Результатом их явилось опубликование в Берлине санскритского текста и перевода на латынь драмы Калидасы «Викраморваши» (с комментариями) ²³.

В том же году Ленц вернулся в Петербург и составил краткий каталог санскритских рукописей, принадлежащих Азиатскому музею ²⁴. Тогда Х. Д. Френ выступил с ходатайством перед Академией наук о предоставлении Ленцу за казенный счет командировки в Англию (в то время — центр индологии) для продолжения индологического образования. В английских библиотеках и хранилищах были сосредоточены рукописи на всех языках Индии, вывезенные из колонии учеными и коллекционерами. В конце 1833 г. Ленц прибыл в Лондон. Лондонский период работы ученого оказался самым плодотворным в его жизни. Здесь он собрал значительные рукописные материалы, сделал копии с различных списков индийских рукописей из хранилищ Англии, и подготовил их описания ²⁵. О своих работах Ленц посылал в Министерство народного просвещения подробные отчеты, которые были опубликованы в ЖМНП за 1834 и 1835 гг. ²⁶. В них впервые в русской индологии упоминаются — с краткой характеристикой — многие индийские рукописи и памятники древнеиндийской литературы.

Отправляясь в Англию, Ленц поставил перед собой цель — отыскать среди индийских рукописей источники по древней истории Индии и по истории буддизма. Однако вскоре Ленц установил, что среди рукописей Ост-индской библиотеки таковых источников нет, и, по всей вероятности, исторические хроники как жанр литературы в Индии не существовали. Тогда Ленц обследовал библиотеки Британского музея и Королевского Азиатского общества и окончательно убедился в том, что его поиски напрасны.

Однако он нашел ряд рукописей, которые его заинтересовали. Во-первых, в его руках оказались новые списки драмы Калидасы «Викраморваши» (текст и перевод которой он опубликовал ранее в Берлине по другим рукописям), во-вторых, — комментарий к «Викраморваши» Ранганатхи²⁷. Эти материалы были изданы в виде дополнения к первому изданию²⁸. Ленц начал собирать сведения о творчестве Калидасы и намеревался в будущем написать работу по истории индийской драмы.

В это же время он увлекся проблемами индийского стихосложения и поэтики. С этой целью он снял копию с одной из глав индийского трактата по музыке «Сангитаратнакара» и подготовил выписки и заметки о ряде сочинений по индийской метрике — чхандас²⁹. Выписки показывают, что Ленц предполагал издать большой труд по теории индийского стихосложения.

Во время работы в библиотеках он случайно наткнулся на рукопись индийской эпической поэмы «Притхвираджд-расо»³⁰, которая привлекла его внимание как одно из немногих исторических сочинений. При подготовке этого сочинения к изданию Ленц встретился со значительными трудностями языкового порядка. Поэма была написана на одном из литературных диалектов старого хинди, который в то время в Европе не был известен, — брадже. Ленц стал изучать хиндустани и хинди и с помощью знаний санскрита пытался составить словарь к языку памятника. В значительной степени ему это удалось, хотя работа продвигалась медленно. Ленц жаловался, что администрация библиотеки Королевского Азиатского общества, которой принадлежала рукопись, отказалась давать ему рукопись по вечерам домой, и за короткий рабочий день в библиотеке он успевал сделать немного. Все же он успел снять копии с ряда глав поэмы по трем рукописным спискам с приведением разночтений. Сам Ленц считал эту работу одной из важнейших из всего того, что ему удалось осуществить за время командировки.

В Ост-индской библиотеке ученый скопировал рукопись «Лалитавистары», относящуюся к числу самых ранних из дошедших до нас памятников буддийской литературы и описывающую жизнь Будды Шакьямуни (школа Сарвастивадинов). Копия занимает три толстые тетради (около 400 л.)³¹. После возвращения в Петербург он издал исследование содержащейся в рукописи версии жизнеописания³².

Продолжая работу по теории индийской драмы, Ленц собрал

шесть списков «Венисамхара» и подготовил критический текст драмы с разночтениями по всем спискам. Издать эту работу он не успел, а в 1871 г. материалы Ленца были использованы при издании этого сочинения Дж. Гриллем.

За полтора года, проведенные в Англии (помимо Лондона Ленц несколько месяцев работал в Оксфорде под руководством крупного английского индолога проф. Г. Вильсона), он успел сделать чрезвычайно много: познакомился с индийскими энциклопедическими словарями, занимался упанишадами и буддийской литературой, литературой урду и хинди, старыми надписями на праkritах и пали, индийской палеографией, новоиндийскими языками маратхи и телугу и даже успел познакомиться с Авестой и тибетской литературой³³.

Ленц покинул Англию в начале июля 1835 г. и возвратился в Петербург через Париж. Результаты своей поездки — копии рукописей, выписки, заметки — Ленц записал в 20 толстых тетрадях. По возвращении на заседании Академии наук он прочитал подробный доклад с отчетом о своих занятиях. На основании этого доклада по представлению Х. Л. Френа и Я. И. Шмидта в октябре 1835 г. Ленц был избран адъюнктом Академии наук. Ученый был полон планов и сразу же начал активную деятельность: составил список книг, необходимых для пополнения академической библиотеки, заказал шрифт деванагари для типографии Академии наук.

С марта 1836 г. он бесплатно начал читать при Петербургском университете публичный курс санскрита и сравнительной филологии. В. В. Григорьев по поводу начала преподавания санскрита в университете опубликовал в журнале «Северная пчела» специальную статью «Санскритский язык в России». Вот выдержки из нее: Ленц «на нынешней неделе, 3 марта, открыл в здании Университета лекции санскритского языка и сравнительной грамматики... Г. Ленц будет читать санскритскую грамматику не одну, но сравнительно с zendским, греческим, латинским, готическим и славянским (церковным)... лекции его будут особенно новы и занимательны у нас, где филологические понятия еще очень туманны. Чтения происходят на французском, и метода преподавания отличается чрезвычайной ясностью и определенностью»³⁴. Лекции читались три раза в неделю. Это был первый опыт преподавания санскрита в России для широкой аудитории и одновременно начало сравнительного изучения индоевропейских языков. Последнее обстоятельство было отмечено в качестве главной заслуги ученого в некрологе, где, в частности, говорилось, что Ленц «развивал идею о средстве языков и роли, которую должно занимать между ними древнее наречие Брахманов»³⁵.

Курс читался всего несколько месяцев — с марта по июль. 30 июля 1836 г. Ленц скоропостижно скончался от «нервной горячки».

В числе слушателей Ленца был Павел Яковлевич Петров

(1814—1875), который сыграл значительную роль в становлении российской индологии.

П. Я. Петров родился 25 июня 1814 г. в семье учителя. Отец его Яков Иосифович Петров преподавал сначала в Петербурге, а затем в Москве «новые языки», историю и географию. В 1828 г. Павел Петров был принят на подготовительное отделение Московского университета, а в 1829 г. — переведен на «ординарные лекции по словесному разряду»³⁶. Словесный факультет Московского университета он закончил со степенью кандидата в 1832 г. вместе с М. Б. Чистяковым, В. Межевичем, Я. Неверовым, А. Закревским, И. Ключниковым, К. Лебедевым и Н. А. Аргилландером³⁷. Помимо западных языков и церковнославянского Петров в университете начал посещать занятия арабского и персидского языков на открытой здесь в 1811 г. восточной кафедре, где учился у А. В. Болдырева. В Московском университете студент Петров познакомился и подружился с будущим критиком В. Г. Белинским.

Это была не просто дружба — Белинский и Петров были единомышленниками, соратниками по просветительской деятельности, вышли из одной колыбели — стен Московского университета, где были заложены основы их мировоззрения.

Московский университет в эти годы был настоящим очагом вольномыслия. Молодежь увлекалась передовыми философскими и литературными теориями. Жизнь была ключом. Товарищ А. И. Герцена и Н. П. Огарева Н. И. Сазонов, описывая Московский университет 30-х годов, отмечал: «Почитание цивилизации, привязанность к истинно-народным традициям и современные свободололюбивые идеи нашли в этом учреждении последнее пристанище»³⁸.

В общежитии университета Петров встретился с Белинским. Петров поступил в Московский университет на отделение словесности годом раньше, чем Белинский. В год знакомства первому было всего 15 лет, а второму — 18. За свои 15 лет Петров, занимаясь самостоятельно, так хорошо выучил западные языки, что Белинский не только был поражен талантливым молодым человеком, но под его влиянием сам начал заниматься языками, чтобы читать произведения французских и немецких просветителей в подлиннике. Вот какой отзыв о Петрове мы находим в одном из писем Белинского от 20 декабря 1829 г.:

«Я подружился с П. Я. Петровым. Мы часто бываем вместе; судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаемся с новыми идеями и новыми мыслями... Вот дружба, которой я могу по справедливости хвалиться... Что за человек! Какие познания! Он превосходно знает по-французски: может читать германских и итальянских писателей и отчасти говорить на их языках. Знает несколько по-английски, хорошо по-арабски и персидски. Пишет прекрасные стихи. В занятиях языками и науками неутомим, как Тредьяковский. Он еще хорошо знает по-латыни и порядочно по-гречески. Жажда к позна-

нию в нем удивительна: хочет учиться еще по-санскритски и турецки. Особенно любит восточные языки»³⁹.

Взаимный интерес молодых людей друг к другу вскоре перешел в сотрудничество и тесную дружбу. Первый литературный труд будущего великого критика был написан именно в эти годы горячей дружбой с Петровым. Это был перевод с итальянского романа итальянского революционера Уго Фосколо «Избранные письма Якова Ортиса», который вышел в свет отдельной книжкой в 1831 г. Выбор для перевода этого сочинения уже говорит о направлении поисков молодых людей.

Сожителями Белинского и Петрова по «казеннокоштным номерам» были студенты, страстно воспринимавшие литературные, философские и политические новости. Составлялись небольшие группы университетских друзей, которые, по определению А. И. Герцена, переживали «шиллеровский период» своего политического развития и страстно проповедовали «ненависть ко всякому насилию, ко всякому политическому произволу». На сходках декламировались запрещенные стихи Рылеева и Пушкина, читались книги о французской революции, философские сочинения Шеллинга и Окена. Одним из самых ранних литературно-философских кружков 30-х годов в Московском университете был кружок, организаторами которого являлись В. Г. Белинский, П. Я. Петров и М. Б. Чистяков. Он был создан в начале 1830 г. под названием «Литературное общество 11-го номера» (по номеру комнаты, в которой проживал в общегитии Белинский) и просуществовал до 1832 г., когда его основные участники закончили университет⁴⁰.

Именно в этом литературном обществе Белинский и Петров прошли серьезную философскую и литературную школу.

Третий их соратник, которого они впоследствии неоднократно называли в письмах «другом и братом», Михаил Борисович Чистяков (1809—1885), был сыном сельского священника и шел к образованию обычной дорогой разночинцев. Дружеские связи этих трех людей не оборвались и после их выхода из университета, когда Белинский остался в Москве, Петров был направлен в Петербург для совершенствования знаний восточных языков и затем в Казань на преподавательскую работу, а Чистяков служил старшим учителем в Петербургской гимназии. Об этом свидетельствует их переписка. Из писем Петрова к Белинскому сохранилось и издано всего одиннадцать; девять из них относятся к первому периоду пребывания Петрова в Петербургском университете (1834—1835), одно — от 27 января 1838 г. — написано после возвращения Петрова из зарубежной командировки, и еще одно письмо послано из Москвы в Петербург 12 декабря 1841 г., накануне отъезда Петрова в Казань (Белинский в это время проживал в Петербурге)⁴¹. Тон писем и отдельные намеки, в них содержащиеся, позволяют установить, что сохранились лишь отдельные письма, на самом деле переписка была более обширной и наверняка не кончилась в 1841 г. Однако архив Белинско-

го после его смерти был рассеян по разным рукам, и до нас дошла лишь небольшая его часть ⁴².

О том, что занятия в «Литературном обществе 11-го нумера» не прошли даром для Петрова, свидетельствует его письмо к Белинскому из Петербурга от 6 октября 1834 г., из которого ясно видно, что он и к изучению языков подходил с широких философских позиций: «Да, брат, человек может быть счастлив, отринув пустые мирские блага, довольствуясь малым в физических потребностях и ненасытною душою стремясь обнять мир духовный. Глубок этот океан, потонуть в нем — божественно, достойно человека. Даже сухое изучение языков доставляет божественное удовольствие, когда будешь смотреть на него не так, как на механический предмет, но как на живое познание человеческого слова во всех его видах. Что же сказать о науках естественных, этих небесных руководительницах к познанию природы во всех ее многообразных проявлениях! Я это говорю к тому, что они от меня не уйдут...» ⁴³.

В студенческие годы Петров писал стихи, которые пользовались большой популярностью среди студентов. Некоторые из них позднее Белинский опубликовал в «Молве» — литературном приложении к «Телескопу». Это философски насыщенные стихи, где поэт предстает как борец с «противоречиями мира», устремлен туда, «где нет цепей телесных», жаждет свободы. Известны стихотворения Петрова «Чада солнца», «Пловец» и др. В них возникает тема Прометея, избранника, жертвующего собой во имя блага людей ⁴⁴:

В дни юности природы и людей
(Гласит земли чудесное преданье)
Томим тоской безвечного страданья
Огонь с небес похитил Прометей.
И злая казнь страдальца ожидала,
Но он чела пред миром не склонил,
Жизнь новая в несчастном запылала,
И в муках он был полон дивных сил.
То был певец — то солнца сын чудесный!
Земная жизнь в сраженьи с Божеством!
Огонь тоски по родине небесной
Был для него терзающим орлом.
Нужна ль была ему земная слава?
Склонился ли пред нею он челом?
Земная жизнь была певцу отравой:
Он жаждал света, жаждал Божества.

Есть свидетельство, что Петров в студенческие годы переводил с немецкого Гёте. Поэты революционной эпохи «бури и натиска» входили в сознание членов кружка через переводы Петрова. Чистяков переводил с немецкого «Теорию изящных искусств» Бахмана. Свой перевод он посвятил друзьям-студентам, которые в стенах университета «сливаются в одно прекрасное семейство и образуют святой союз братства, одушевляемый чувствами истинной религии и пламенной любви к своему отечеству» ⁴⁵. За два года пребывания в «Литературном обществе

11-го номера» его члены познакомились таким образом с немецкой романтической эстетикой и с революционными традициями русской литературы. Ясно проявилась тяга к освободительным идеям Радищева и Рылеева.

В университетские годы Петров познакомился с санскритом, однако никакие подробности не известны. Особенные способности к языкам, которыми Петров выделялся среди своих товарищей, были замечены, и ему предложили продолжить занятия восточными языками в дерптском Профессорском институте при Петербургском университете (см. гл. 3). Он успешно выдержал вступительные экзамены и в мае 1834 г. был зачислен в число профессорских стипендиатов. Об экзаменах мы узнаём из письма Петрова Белинскому от 9 мая 1834 г.: «Ну вот тебе мои похождения: слушай. Я держал и выдержал экзамены в арабском и персидском у Френа и Шармуа, в санскритском у академика Шмидта. Теперь я принят и нахожусь под особым попечением Френа... Френ и Аделунг доставили мне множество книг и всеми силами одобряют меня. Признаюсь, здешними учеными я не могу довольно нахвалиться...»⁴⁶.

Белинский был в курсе всех занятий Петрова и в Петербургском университете. Петров описывал их с такими подробностями, что, как остроумно замечает И. Ю. Крачковский, «и Белинского можно было бы счесть за востоковеда»⁴⁷. В 1834 г. Петров послал Белинскому свой первый опыт стихотворного перевода фрагмента эпической поэмы «Махахарата» — главу из «Сказания о Нале и Дамаянти». В том же году этот перевод был напечатан в «Телескопе», где Белинский в 1833—1836 гг. вел отдел литературной критики. Где бы ни сотрудничал Белинский — в «Московском наблюдателе» (1838—1839), в «Отечественных записках» (1839—1856) или в «Современнике» (1847—1848), он всегда предоставлял страницы журналов для переводов Петрова и других индологов.

Приведем отрывки из писем Петрова Белинскому, в которых описываются его первые успехи в санскрите и первые переводы.

12 августа 1834 г.: «Вот тебе, Виська, обещанная 1-ая песнь Налы. Прочти ее, а я между тем приготовлю другую. Только Боже тебя сохрани печатать... Пока не буду знать хорошо по-санскритски, до тех пор строки не напечатаю... Ну, друг, о чем мне сперва потолковать с тобой? Ну да хоть о санскритском. Чудный язык! Дивлюсь и его строению, и обширной литературе, и легкости и вместе трудности его изучения...»

22 августа 1834 г.: «В санскритском очень-очень успел. Вчера начал перелгать новую книгу Налы — не знаю, скоро ли кончу... Всего перевели мы из оной вышереченной поэмы 9 песен.— Это знатно»⁴⁸.

Под влиянием занятий санскритом Петров в письме от 12 июня 1834 г. советует Белинскому писать общую философскую грамматику.

Именно Петрову Белинский обязан тем, что Индия, страна великой древней культуры, вошла в круг его интересов. Белинский перевел с английского статью «День в Калькутте» (автор неизвестен). Перевод был опубликован в «Молве» за 18 и 20 мая 1833 г.

В Петербургском университете Петров провел четыре года и получил основательную востоковедную подготовку. В программу его образования сначала входили только арабский и персидский языки. В эти годы в университете курс арабского языка вел О. И. Сенковский — барон Брамбеус русской литературы. Сенковский, судя по отзывам Петрова, был прекрасным педагогом, умел заинтересовать своими лекциями студентов⁴⁹. Персидский язык Петров слушал у Шармуа — преподавателя, вышедшего из французской школы Сильвестра де Саси. Помимо языка Петров занимался и персидской литературой, особенно усиленно — суфийской, под руководством Мирзы Джафара Топчибашева. Персидская мистическая поэзия увлекала Петрова, он пытался сам подражать персидским поэтам и делал переводы в стихах газелей Хафиза. Перевод газелей был напечатан у Белинского в «Молве»⁵⁰.

О высоком уровне знаний Петрова в этой области востоковедения свидетельствует тот факт, что в иранистике Петрову удалось создать свою школу. Так, его ученики — Ф. Е. Корш (1843—1915) и В. Ф. Миллер (1846—1913) — стали выдающимися российскими учеными-иранистами.

С того же, 1834 г. Петров успешно занимался турецким языком. Знания арабского, персидского и турецкого языков позволили Петрову именно в эти годы впервые в истории русистики подойти к анализу восточной лексики в русском языке. По заданию своего куратора Х. Д. Френа он написал статью «Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными»⁵¹. Тяга к изучению все новых и новых языков у Петрова была поразительна. В Петербурге он занимался также греческим, церковнославянским и даже «чухонским» (финским) языками⁵². Все время пытался начать изучение китайского языка, но из-за недостатка времени так и не смог осуществить свое желание, да и Френ усиленно отговаривал его от этого.

Вскоре главным увлечением и делом всей жизни Петрова стало изучение санскрита. Санскрит в эти годы в Петербургском университете не преподавался. Петров возлагал большие надежды на Р. Х. Ленца, который в это время был в Англии и усиленно занимался индийскими языками и литературой. Не ожидая возвращения Ленца, Петров нашел себе учителя санскрита в Петербурге. Это был немец, получивший образование в Гёттингене, д-р Фридрих Боллензен⁵³. В письме к Белинскому от 4 июня 1834 г. Петров пишет о своем учителе: «Он доктор философии Гёттингенского университета, но это не мешает ему быть тружеником в полном смысле этого слова. Он превосходен, когда дело идет о преподавании своих познаний другому, но ка-

жется, что от него, кроме хрестоматии и сравнительных изучений рукописей, ничего не дождешься»⁵⁴.

Занятия санскритом двигались успешно. Этот язык казался Петрову очень простым по сравнению с арабским. Первым самостоятельным переводом с санскрита оказался отрывок из «Махабхараты» — эпизод из «Сказания о Нале и Дамаянти», который, как говорились выше, был опубликован в 1834 г. в «Телескопе» у Белинского. Кстати, это был первый в истории отечественной индологии опубликованный перевод с санскрита, выполненный русским ученым. Именно Петрову, а не В. А. Жуковскому обязан русский читатель первым знакомством с этой древнеиндийской поэмой. Перевод В. А. Жуковского, выполненный с немецкого перевода Рюккерта, увидел свет только в 1844 г.⁵⁵

За «Налем и Дамаянти» последовали переводы из драмы Калидасы «Викраморваши» — «Урвазии», как писал Петров. Очевидно, для перевода Петров пользовался санскритским текстом, изданным в 1833—1834 гг. в Берлине Ленцем (см. выше, примеч. 23 и 28). Перевод Петрова не был опубликован.

Внимание Петрова с самого начала его пребывания в Петербургском университете привлекали санскритские рукописи, которые хранились в Азиатском музее Академии наук. Описание их было уже опубликовано Ленцем в 1833 г. (см. примеч. 24). В 1836 г. Петров издал «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском Музеуме...»⁵⁶. В «Прибавление» вошло описание четырех санскритских рукописей, привезенных Г. С. Лебедевым. Побывав в начале 1837 г. в Москве, Петров получил разрешение на работу с восточными рукописями, хранящимися в библиотеке Московского университета, и издал описание 11 рукописей на арабском, персидском и турецком языках⁵⁷. По указанию Френа Петров приступил к разбору коллекции Азиатского музея и описал около 200 арабских монет и медалей.

В 1836 г. Ленц, вернувшись из-за границы, начал преподавать санскрит в Петербургском университете, о чем Петров написал М. П. Погодину: «При здешнем Университете открылась кафедра санскритского языка. Ленц, недавно воротившийся из Англии, собирает теперь под свои знамена до тридцати слушателей...»⁵⁸. Занятия у Ленца, как мы знаем, продолжались всего несколько месяцев. О личных контактах Петрова и Ленца и каких-либо индивидуальных занятиях сведений нет.

Все сказанное свидетельствует о том, что санскрит и санскритскую литературу Петров одолел сам. Нет оснований считать его, как это делается в некоторых работах по истории индологии, учеником и последователем Ленца, тем более в Петербургском университете, который Петров вскоре покинул навсегда.

Успехи Петрова были настолько значительны, что еще за год до окончания обучения, 7 декабря 1837 г., был поставлен вопрос

о том, чтобы досрочно принять экзамены у будущего профессора и отправить его на стажировку за границу. Комиссия, созданная для приема экзаменов и включавшая всех преподавателей разряда восточной словесности, оценила знания выпускника как превосходные. В качестве диплома Петров представил Френу работу «Ситахаранам» («Похищение Ситы») — санскритский текст, перевод на русский язык, предисловие, словарь, подробный грамматический разбор. Текст представлял собой отрывок из индийской эпической поэмы «Рамаяна» («Адхьятма Рамаяна»). Поскольку в типографии Академии наук тогда еще не было шрифта деванагари, работа осталась ненапечатанной.

7 мая 1838 г. Петрову была предоставлена командировка в страны Западной Европы, и 6 августа он покинул Петербург⁵⁹. Когда в 1838 г. Петров приехал в Берлин и встретился с Францем Боппом, у которого учился санскриту Ленц, то Бопп вынужден был признать, что молодой Петров (ему в ту пору было 24 года) хорошо знает санскритскую литературу. В письме к акад. Френу Бопп высоко оценил способности Петрова и выразил уверенность, что «он составит честь и славу индийской филологии»⁶⁰. Поскольку знаменитый основатель сравнительной грамматики индоевропейских языков в год приезда Петрова вел начальный курс санскрита, занятия Боппа с ним не состоялись. Между тем Петров еще не стал сложившимся ученым, ему было бы полезно поучиться методологии лингвистических исследований. Этот пробел в подготовке он так и не сумел заполнить в течение всей своей жизни.

За границей Петров провел чуть больше двух лет (1838—1840), побывав помимо Берлина в Лондоне и Париже. Получив возможность сравнить уровень исследований по языкам мусульманского Востока во Франции, в Англии и в России, Петров пришел к выводу, что в России эти языки знают и изучают лучше и глубже, чем на Западе. В 1840 г. он писал из Парижа: «В отношении к языкам мусульманским я смело скажу, что русские кафедры не только ни в чем не уступают французским, но и во многих отношениях их превосходят. Не говоря уже об языках персидском и турецком, которым только у нас можно научиться как должно, даже в отношении к арабскому я не нашел здесь ничего такого, чего бы не доставало в нашем отечестве»⁶¹.

Петров постоянно посылал отчеты о проделанной работе на имя министра народного просвещения. Так, в Париже он познакомился с трудами французских ученых по упанишадам и тотчас же отправил донесение об этом в Россию⁶². В одном из писем отчетов министру он перечисляет несколько видов своих занятий за определенный промежуток времени, в том числе: исследование санскритских рукописей в библиотеках Западной Европы; подготовка отрывков из этих рукописей для составления хрестоматии (были сделаны, например, выписки из «Падма-пураны» и санскритских драм); изучение истории Кашмира по рукописям сочинения «Раджа-Тарангини», которое в то время еще не было

исследовано (этот ценнейший памятник был опубликован только в 1929 г. А. Стейном); изучение бенгальского и зендского (авестийского) языков; работа над написанием грамматики санскрита; исследование арабских и персидских рукописей и новейшей литературы — грамматик, словарей, переводов⁶³.

В ноябре 1840 г. Петров вернулся в Петербург и начал хлопотать относительно устройства на работу. Несмотря на блестящие характеристики коллег и наставников, вскоре стало ясно, что в Петербурге Петрова ничего хорошего не ждет. Он пытался поступить на службу в МИД в качестве переводчика, но получил отказ. Формальной причиной явилось правило, согласно которому каждый выпускник Профессорского института сначала должен был в течение 12 лет отслужить на преподавательской работе. Но такой работы тоже не было. Целый год Петров был без денег и без работы, жил в страшной нужде.

Впервые этот период его жизни получил освещение в истории русского востоковедения благодаря находкам А. С. Шофмана, отыскавшего в ГБЛ письма Петрова к М. П. Погодину⁶⁴. Петров писал 1 июня 1841 г.: «Живу Бог знает чем и как, то явится какой-нибудь урок, то напишу статью, то займу и таким образом перебиваюсь довольно неудачно. Места по восточной части в Университете есть два: кафедра санскритского, для которого меня нарочно послали за границу и которой мне теперь не дают, а еще место адъюкта персидского языка, которое я очень мог бы занять. Я подавал записки и попечителю, и министру, просил через других, но ответа не получил»⁶⁵.

Хотя в условиях царской России такое пренебрежительное отношение к ученым само по себе и не вызывает особого удивления, все же возникают некоторые опасения по поводу причин явного нежелания предоставить Петрову работу в Петербурге. Его аналогичные просьбы в Московский университет также оставались без внимания. Хотя в нашем распоряжении нет никаких письменных документов, позволяющих усмотреть в этом подводные камни, однако какая-то тайная причина здесь имеется. Постоянная переписка и дружеские связи с Белинским, завоевавшим к этому времени репутацию неблагонадежного человека, контакты с выпускниками Московского университета, этого рассадника свободомыслия, сотрудничество в журнале «Телескоп», в котором в 30-х годах постоянно печатались переводы Петрова с восточных языков и его стихи, и, наконец, отношения с бывшим наставником, А. В. Болдыревым, заменить которого на кафедре восточных языков в Московском университете Петров должен был со временем и который находился в это время в опале⁶⁶, — все это, по всей вероятности, было записано в «досье» Петрова, и Министерство народного просвещения не спешило с определением его на работу. Даже после того как через год ему, наконец, повезло — оказалось место преподавателя санскрита на вновь открытой санскритской кафедре в Казанском университете, — Петров не получил научного звания, которое ему полага-

лось по должности, и в течение десяти лет преподавания в Казани оставался исполняющим обязанности адъюнкта.

Несмотря на бедственное положение, Петров продолжал заниматься переводами с санскрита и исследованием древнеиндийской литературы. Публиковать подготовленные им санскритские тексты в Петербурге по-прежнему не было возможности из-за отсутствия в типографии шрифта деванагари, Петров вернулся к переводам отрывков из «Махабхараты» и издал в журнале «Москвитянин» (1841, ч. 4, № 8) «Сказание о рыбе» и «Сказание о Савитри». Из статей по древнеиндийской литературе наибольший интерес представляет обзор «О священной литературе народов загангесской Индии»⁶⁷. В том же, 1841 г. была опубликована статья «О составе санскритского языка»⁶⁸.

В 30—40-х годах XIX в. одним из центров русского востоковедения становится Казанский университет, основанный в 1804 г. (см. гл. 3). К этому времени при университете уже велось преподавание многих восточных языков. Из всех восточных кафедр постепенно был составлен разряд восточной словесности, который входил в состав философского факультета⁶⁹. Разряд воспитал целую плеяду русских востоковедов.

В 1842 г. при Казанском университете была открыта кафедра санскрита. Петрову было предложено место преподавателя на этой кафедре. Его познания в восточных языках получили в кругу ученых, которых ректор Н. И. Лобачевский собрал в Казанском университете в начале 40-х годов, заслуженно высокую оценку. Попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин считал приезд Петрова в Казань крупным событием для университета. Министерство, однако, назначило Петрова, как только что было сказано, лишь исполняющим обязанности адъюнкта по кафедре санскритского языка⁷⁰. С приездом Петрова по предложению Н. И. Лобачевского с января 1842 г. санскрит стал обязательным предметом на монголо-татарской и китайской кафедрах.

Интерес к санскриту в Казанском университете возник не случайно. Еще в 1837 г. профессор Казанского университета М. Лунин опубликовал статью «Индия. Взгляд на жизнь индостанского народа», в которой привел подробные сведения о культуре и науке Индии, об истории, общественном строе и законодательстве страны⁷¹.

Свою деятельность в Казанском университете Петров начал с составления «Программы для преподавания санскритского языка и литературы», которая была напечатана в «Ученых записках Казанского университета» (1842, кн. 2). Она вышла и отдельным изданием⁷². Программа предусматривала подготовку специалистов широкого профиля. Санскрит рассматривался в ней не как подсобная дисциплина для сравнительного языкознания, а как часть древнего культурного наследия Индии. В программе было запланировано чтение курсов по этимологии, диалектам, фонетике, транскрибированию и каллиграфии сан-

скрита, по санскритской литературе, истории Индии, законам Ману, индийской философии и индийским наукам.

Базой для такой постановки преподавания стала библиотека Казанского университета, в которой вопреки опасениям Петрова оказались все последние европейские исследования по индологии и другим восточным дисциплинам. Здесь же были собраны редкие восточные книги и рукописи по различным отраслям восточной филологии и этнографии⁷³.

Для преподавания Петров в 1846 г. составил первую в истории отечественной индологии обширную «Санскритскую антологию». Она включала различные санскритские тексты: отрывки из эпоса, сказки, басни, фрагменты из философских текстов и исторических памятников (из «Раджа-Тарангини»), а также санскритскую лирику и драмы. Во второй части антологии приводился этимологический словарь к текстам. Чтобы напечатать эту антологию, Казанский университет в октябре 1843 г. с большими трудностями выхлопотал шрифт деванагари, который был закуплен в Берлине⁷⁴. В течение года Петров сам набирал в типографии свою антологию. Чтобы ускорить набор, шрифт брал домой и работал по вечерам. Наконец 200 экз. антологии были готовы: 100 из них поступило в библиотеку, 100 — продано желающим. Это была капля в море, и уже при жизни Петрова антология сделалась библиографической редкостью. Удалось издать только первую часть; словарь так и не увидел свет⁷⁵.

В 1844 г. с помощью казанской типографии Петров опубликовал санскритский текст лирической поэмы «Гхата-карпарам» («Разбитый сосуд») с предисловием и грамматическим и метрическим разбором. Издание сохранилось только в библиотеке Московского университета.

В годы преподавания в Казанском университете Петров занимался египетским и монгольским языками, продолжал изучать веды, упанишады, опубликовал статью «О духовной литературе индусов»⁷⁶.

В Казани Петров чувствовал себя очень одиноко. Письма к декану историко-филологического факультета Московского университета С. П. Шевыреву, обнаруженные в ГПБ А. С. Шофманом, показывают, что он рвался в Москву, где надеялся встретить старых друзей и вновь обрести опору в жизни, которой в последние годы ему явно не хватало⁷⁷. В конце 40-х годов Петров открыто начал хлопотать о переводе в Москву в связи с ухудшением здоровья из-за местного климата. С. П. Шевырев предложил ему кафедру санскритологии при Московском университете. Предложение было принято. В 1852 г. Петров покинул Казань и перебрался в Москву.

В Казани его место занял уже упоминавшийся Ф. Боллензен⁷⁸.

Санскритская кафедра в Казанском университете просуществовала без Петрова недолго, всего два года, и в 1854 г. была закрыта в соответствии с правительственным указом от 22 ок-

тября «О сосредоточении преподавания восточных языков при С.-Петербургском университете»⁷⁹.

В Московском университете не было специального восточного разряда, и кафедра санскрита открылась при историко-филологическом факультете. Санскрит был факультативным предметом. Однако лекции Петрова пользовались большой популярностью, у него всегда хватало слушателей. Студенты просили Петрова начать также занятия арабским и персидским языками. Он согласился и вел эти занятия бесплатно в течение 15 лет своей педагогической деятельности в этом университете. Только 17 марта 1856 г. Петров был избран наконец экстраординарным профессором по кафедре санскритского языка. Позднее от Совета Петербургского университета он получил степень доктора санскритской словесности *honoris causa*, а Московский университет присвоил ему звание ординарного и заслуженного профессора⁸⁰.

Из трудов Петрова, опубликованных в годы его пребывания в Московском университете, многие стали библиографической редкостью. Назовем две его работы: «О важнейших алфавитах восточных языков, их изобретении и главнейших их видоизменениях» и «Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских» (написана к 100-летию юбилею Московского университета), напечатанные, как и большинство его статей, в «Московских университетских известиях» (1853 и 1855 гг. соответственно). В 1865 г. в Москве вышла его «Санскритская грамматика (деванагарский алфавит и чтения)». Затем были напечатаны четыре статьи Петрова, посвященные новоиндийским языкам бенгали, хиндустани и маратхи и литературе на них⁸¹. Все время Петров продолжал заниматься кашмирской историей и в 1856 г. опубликовал в «Московских университетских известиях» статью «Раджа-Тарангини. Историческая поэма Кальхана Пандиты», а в 1872 г. — перевод начала первой книги этого памятника — «Из реки царей Кальханы».

Петров интересовался индийской медициной, подготовил для «Московского врачебного журнала» статью «О медицине древних индусов»⁸², собрал материал для санскритско-русского словаря, но закончить словарь так и не успел. В августе 1875 г. он ушел в отставку и через две недели, 2 сентября, умер. Семейой он так и не обзавелся, жил со старухой матерью и двумя сестрами. Библиотеку свою, которую он с любовью собирал и считал своим самым дорогим достоянием, он завещал Московскому университету. В ней — более 2 тыс. книг, среди которых представлены исследования более чем на 100 различных языках⁸³. Библиотека Петрова и теперь находится в составе библиотеки Московского университета.

Петров был неутомимым тружеником, ни минуты не мог провести без дела, постоянно что-то изучал, как губка впитывал новые языки. Н. В. Берг, который в последние годы жизни Петрова поддерживал с ним дружеские контакты (насколько это было возможно, если принять во внимание замкнутость и нелюди-

мость Петрова в эти годы), в воспоминаниях о нем пишет: «Сколько именно языков было ему известно и в какой степени, этого, мне кажется, определено никто не знает». И далее: «Он говорил и писал по-санскритски как бы на живом языке и переводил на него Байрона, стараясь более или менее выискать, а иногда и создавать размеры, которые бы шли к переводу нового поэта на язык самых отдаленных наших предков»⁸⁴.

И все же приходится признать, что крупных работ Петров за свою жизнь так и не написал. И хотя основным его занятием начиная с 1842 г. было преподавание восточных языков, он не создал индологической школы и не оставил учеников и продолжателей своих научных идей. Академик К. Г. Залеман, которому принадлежит статья о Петрове в «Русском биографическом словаре», дал довольно суровую оценку научной деятельности Петрова, отметив, что он не имел «дальнейшего влияния на успех науки... от него сохранился только ряд мелких статей, носящих более случайный характер и для науки прошедших почти бесследно». С последней частью оценки Залемана нельзя согласиться.

Теперь, когда прошло более 100 лет со дня смерти Петрова, видно, что его труды не пропали бесследно. Он работал в тот начальный период развития индологии в России, когда шел процесс накопления научных знаний. До Петрова сделано было очень мало. Значение его работ для индологии состоит в том, что они наметили отрыв санскритологии от общего языкознания, проложили путь изучению новоиндийских языков и литератур, содействовали знакомству русского читателя с индийской литературой и наукой. Он не смог оторваться от земли и взлететь, он был черной рабочей силой, по крупинке собирающей знания.

Для больших свершений не хватало и здоровья, и нервная система, изнуряемая тяжким трудом, постоянно давала сбой. Довольно рано у Петрова появился душевный надлом. Об этом свидетельствуют его письма к Белинскому за 1837—1838 гг.⁸⁵. Пессимистические настроения Петрова проистекали от неуверенности в том, что избранный им путь правилен. Окружающие его «мерзости русской жизни», вызывавшие протест со стороны всех лучших людей России, не могли не отразиться на впечатлительной душе молодого ученого. Начало душевного надлома у Петрова по времени совпало с кризисом, который в 1837 г. переживал и его друг В. Г. Белинский, качнувшийся в сторону идеализма и «примирения с действительностью». Однако у Белинского этот кризис скоро прошел, он покончил с примиренчеством и обратился к революционному демократизму. Петров же изменил вольнолюбивым мечтам молодости, все больше и больше отдалялся от идеалов, которыми жили передовые слои русского общества, уходил в себя и в работу.

Вернулся в Москву он только через четыре года после смерти Белинского. Не осталось близких друзей, с которыми он делился и успехами, и научными планами, и душевными невзгода-

ми. Петров отошел от людей, замкнулся. Н. В. Берг в воспоминаниях о Петрове писал, что он «был человек скромный, притом весьма необщительный, бирюк, к которому подойти было довольно трудно. Он никогда ничем не хвалился... в обществе не являлся... Нравственная чистота его была необыкновенная. Это был кристалл самой чистой воды. Он всю жизнь чего-то искал и все шел по „своей“ дороге вперед...»⁸⁶.

Несмотря на отсутствие линии преемственности в русской индологии, в 30-х годах XIX столетия в Петербурге с некоторыми перерывами преподавание санскрита и подготовка индологических кадров все же продолжалась. Этому способствовали индийские рукописи, постепенно собиравшиеся в стенах Азиатского музея Академии наук и Публичной библиотеки, а также богатые академическая и университетская библиотеки, в которые поступали все новейшие исследования по востоковедению, появлявшиеся на Западе.

Подготовка отечественных востоковедных кадров осуществлялась в двух учебных центрах: на разряде восточной словесности Петербургского университета и в Учебном отделении восточных языков (или Институте восточных языков) при Азиатском департаменте МИД. Постепенно расширился штат ученых-ориенталистов и в Академии наук. Эти три учреждения были тесно взаимосвязаны. Для преподавания в них использовались восточные рукописи всех хранилищ Петербурга; преподаватели одновременно занимались описанием и каталогизацией рукописных фондов. Оба научных центра — разряд восточной словесности и отделение восточных языков — в своем штате имели одних и тех же преподавателей. Отделение восточных языков готовило кадры для работы за рубежом в основном из выпускников разряда восточной словесности. Академики-ориенталисты принимали участие в составлении учебных программ и приглашались на экзамены в качестве членов комиссий. Некоторые преподаватели были членами Академии наук⁸⁷.

Мы уже рассказывали о годах учебы П. Я. Петрова в дерптском Профессорском институте при Петербургском университете, о том, что его наставниками и покровителями были директор Азиатского музея Х. Д. Френ и директор Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД Ф. П. Аделунг. Описание системы подготовки востоковедных кадров в Петербурге мы находим в статье, опубликованной в № 10 «Молвы» за 1835 г., автором которой, вероятно, был постоянный корреспондент этого журнала П. Я. Петров. Статья называется «Институт восточных языков в С.-Петербурге» и повествует о том, как «посвятившие себя занятию Востоком наиболее могут найти средств и способов удовлетворить своему стремлению». С Институтом восточных языков связана деятельность Ф. П. Аделунга (1768—1843), который в течение почти 20 лет (1825—1842)

был его директором, оставившим заметный след в санскритологии и изучении древней индийской литературы.

Федор Павлович Аделунг окончил университет в Лейпциге и в 1794 г. приехал в Россию. В 1785—1797 гг. он служил в Митава. Затем был приглашен в Петербург и состоял при дворе, занимая должности цензора немецких книг и директора немецкого театра. В 1803 г. он стал наставником великих князей Николая и Михаила Павловичей. В 1809 г. Аделунг был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1838 г. — почетным академиком. Аделунг известен как историк, археолог и лингвист.

В 1830 г. он составил выдающийся в истории индологии справочник — библиографический указатель «Опыт литературы на санскритском языке». Эта книга вышла на немецком языке в Петербурге, затем, в 1832 г., — на английском в Лондоне; второе издание — исправленное и дополненное — издание увидело свет в Петербурге в 1837 г.⁸⁸ В книге описано более 350 санскритских памятников литературы, введенных в научный оборот⁸⁹. В свое время она была настольным справочником для всех индологов.

На основе указателя Аделунга Ф. В. Менцов составил обзор памятников литературы, науки и искусства древней Индии и назвал его «Взгляд на литературу, науки и искусства гиндусов»⁹⁰. Статья пользовалась большой популярностью у широкого читателя. Вторая ее часть появилась в 1839 г. в журнале «Библиотека для чтения»⁹¹. Труд Аделунга позволил русскому читателю не только познакомиться с древнеиндийской литературой, но и оценить тот вклад, который внесли индусы в мировую цивилизацию. Менцов заканчивает свою статью выводом: «Итак, большая часть Востока была образованна не только не хуже, но, может быть, даже еще и лучше образованных европейских народов; но из всех их самый просвещенный и самый богатый литературою народ был — гиндусский»⁹².

Аделунг работал во многих направлениях русской культуры. Так, он принимал участие в создании Румянцевского музея в Москве, в 1820 г. выпустил «Обозрение всех языков и наречий». Многие его материалы остались неопубликованными и хранятся в архивах Москвы и Ленинграда. Материалы, собранные в АВ (ф. 1), показывают, что Аделунг интересовался Средней и Центральной Азией, в частности Бухарой и Хивой. Сохранились сделанные его рукой выписки из дел Петербургского архива Коллегии иностранных дел, касающиеся сношений России с народами Средней Азии в 1769—1812 гг. В АВ хранятся также материалы, озаглавленные «О путях в Индию, о Бухарии и Хиве». Это — сообщения, записанные в Оренбурге неким Абдуллой Сеитовым в октябре 1750 г. Приведенный перечень дает основания предполагать, что Аделунга интересовали сведения русских землепроходцев и мусульманских паломников о путях проникновения в Индию. Вероятно, Аделунг имел в виду не только торговые, но и культурные контакты с Индией.

Индийская культура всегда притягивала его внимание. Здесь уместно назвать еще одну работу Аделунга, которая по ошибке никогда не указывалась среди его трудов. Речь идет о списке русских слов в сопоставлении с санскритскими, латинскими и греческими, подписанном инициалами Ф. А. и помеченном 1811 г. (машинопись хранится в ГПБ). Очевидно, это черновые заготовки к его широко известной брошюре «О сходстве санскритского и русского языков» (СПб., 1811), которая в том же году была опубликована и на французском языке⁹³, затем была переведена на английский и вызвала многочисленные отклики в русской прессе⁹⁴.

Акад. А. П. Баранников, который обнаружил рукопись в ГПБ, посвятил ей целую статью, объявив о русском анонимном авторе, опередившем Ф. Боппа идеей о родстве индоевропейских языков⁹⁵. Между тем этим анонимным автором, очевидно, был именно Ф. П. Аделунг, подписавший одну из своих ранних научных работ инициалами Ф. А. Что касается самой идеи родства индоевропейских языков, то Аделунг, равно как и «анонимный автор», здесь не были первыми: еще Г. С. Лебедев, как мы уже отмечали, в 1805 г. писал о санскрите как о языке — основе других языков, в том числе и русского. В Европе же эта идея была высказана намного раньше.

Сам Аделунг санскрит не преподавал, но, как вспоминал П. Я. Петров, активно помогал молодому ученому советами и книгами. Преподавание санскрита после смерти Ленца в Петербурге на некоторое время приостановилось.

Второй раз лекции по санскриту в Петербургском университете начал читать в 1838 г. Бернгард Дорн. Эта страница истории санскритологии почему-то во многих обзорных статьях оказалась забытой.

Б. А. Дорн (о нем подробно сказано в отдельном параграфе гл. 5), как и Ф. Аделунг, закончил Лейпцигский университет. Доктор философии, он знал несколько восточных языков и был приглашен в Россию в качестве ординарного профессора Харьковского университета. В 1829—1835 гг. он вел там преподавание арабского, персидского, турецкого, древнееврейского, санскритского и эфиопского языков. Все курсы лекций читал по-латыни. В 1835 г. Дорн переехал в Петербург и предложил бесплатно читать в Петербургском университете курс санскрита. 8 января 1836 г. Министерство народного просвещения дало согласие на начало занятий. Однако в это время вернулся из заграничной командировки Р. Х. Ленц и в марте сам приступил к чтению лекций по санскриту. После смерти Ленца Дорн снова предложил свои услуги. Дело тянулось очень долго, и он смог начать занятия только 4 октября 1838 г.

Лекции по санскриту читались два раза в неделю для студентов и вольнослушателей. Архивные документы сохранили фамилии 11 его постоянных слушателей: девять студентов из разряда восточной словесности и двое юристов⁹⁶. Преподавание

санскрита продолжалось четыре года, до 1842-го, когда Дорн прекратил чтение этого курса. На это были две причины. Во-первых, он был избран экстраординарным академиком и назначен директором Азиатского музея. Работа в Академии требовала много времени и сил. Во-вторых, в 1842 г. в Академию наук адъюнктом был приглашен санскритолог О. Н. Бётлингк (Бётлинг). Очевидно, Дорн счел свою задачу выполненной и оставил санскритологию для вновь появившегося специалиста.

Справедливости ради следует отметить, что Дорн зря потропился: хотя Бётлингк был выдающимся санскритологом (переводчиком, ученым, автором словарей и пособий для преподавания), курс санскрита в Петербургском университете он не читал, и преподавание этой дисциплины вновь прервалось, теперь уже на более длительный срок. Только в 1854 г. его возобновил К. А. Коссович.

С именем Дорна связана важная страница в истории сравнительного изучения индоевропейских языков. Он был первым, кто опубликовал серьезное научное исследование, посвященное родству славянских языков и санскрита. Его книга «О родстве языка славянского и санскрита» (на латыни), изданная в Харькове в 1833 г., отличалась строгостью научного метода, ввела славянские материалы в сравнительное языкознание и затронула вопросы происхождения славян. По глубине научного исследования ее можно поставить рядом с трудом Ф. Боппа⁹⁷.

Отто Николаевич Бётлингк (1815—1904) родился в Петербурге, в 1833 г. поступил в столичный университет, однако весной 1835 г. переехал в Берлинский университет, а затем в Боннский. В Германии он прошел хорошую школу санскритологии у А.-В. Шлегеля и Х. Лассена, слушал лекции Ф. Боппа. Закончил образование в Гессенском университете, получив степень доктора философии.

Первые самостоятельные исследования Бётлингка были посвящены древнеиндийской грамматике Панини. В освоении языка он видел «единственное надежное средство изучить впоследствии тот сложный и своеобразный мир, ключ к пониманию которого был санскрит»⁹⁸. В 1839—1840 гг. ученый подготовил к публикации и издал текст грамматики Панини с введением, комментарием и указателями. Работу над этим текстом он продолжал в течение всей жизни; окончательное издание грамматики увидело свет только в 1887 г.⁹⁹

В 1842 г. Бётлингк был приглашен в Академию наук адъюнктом по санскриту, в 1845 г. избран экстраординарным академиком, а в 1855 г. получил звание ординарного академика. Быстрая карьера ученого объясняется вкладом, который он внес в индийскую филологию изданием (совместно с немецким индологом Р. Ротом) санскритско-немецкого словаря. Это издание составило целую эпоху в изучении древнеиндийской культуры и подвело итог всех индологических исследований предшествующего периода. В словарь была включена полная роспись всех

изданных санскритских текстов. Каждое приведенное в словаре значение санскритского слова было подтверждено всеми контекстами его употребления. Словарь в семи томах издавался Петербургской Академией наук с 1852 по 1875 г.¹⁰⁰. В 1879—1889 гг. была подготовлена краткая редакция этого словаря, тоже в семи томах. Хотя другое издание названо кратким, сокращение объема было вызвано уменьшением количества отсылок к первоисточникам. Количество же санскритских слов в нем значительно увеличено¹⁰¹.

Эти труды Бётлингга в индологии получили название Большого и Малого Петербургских словарей. Именно им индийская филология обязана своими быстрыми успехами.

Хотя в списке трудов Бётлингга, опубликованном С. Ф. Ольденбургом и Карлом Залеманом, более 160 названий¹⁰², главная его заслуга — словари. Тем не менее следует отметить и другие направления работы ученого. Одно из них — это издание текстов (как с переводом на немецкий язык, так и без перевода) санскритских грамматик и синонимических словарей. Другое — создание практических пособий для изучения санскрита: составление хрестоматии санскритских текстов, написание грамматики санскрита. Интересы исследователя вывели Бётлингга за рамки санскритологии: его перу принадлежат «Грамматические исследования о русском языке», статья о тюркско-татарской грамматике и не утратившее своего значения до наших дней исследование о языке якутов¹⁰³. Работы Бётлингга в области тюркологии находятся на уровне современных тюркологических исследований¹⁰⁴.

К числу заслуг этого ученого следует отнести также его деятельность по организации типографии Академии наук и обеспечению ее индийскими шрифтами, которые понадобились для напечатания Большого Петербургского словаря. Благодаря его стараниям в 1852 г. типография Академии наук приобрела большой набор деванагари.

Бётлинггу принадлежат также переводы с санскрита на немецкий язык ряда памятников древнеиндийской литературы. Среди них — издание текста и перевод драмы Калидасы «Шакунтала», перевод драмы Шудраки «Мриччхакатика» («Глиняная повозка») и публикация текста с переводом одного из важнейших памятников по теории древнеиндийской литературы — «Поэтики» Дандина¹⁰⁵.

В 1868 г. Бётлингг навсегда покинул Петербург и поселился сначала в Йене, а затем в Лейпциге, где он и прожил до конца своих дней. Заслуги этого ученого перед Петербургской Академией наук были столь значительны, что, когда он в 1894 г. вышел в отставку, Академия наук избрала его своим почетным членом¹⁰⁶.

В ноябре 1855 г. Петербургский университет получил разрешение открыть на восточном факультете кафедру санскритского языка. Попечитель Петербургского учебного округа вошел с хо-

датайством в Министерство народного просвещения о перемещении из Московского университета со званием исполняющего обязанности ординарного профессора кафедры санскритского языка адъюнкта П. Я. Петрова в Петербург, но Петров отказался¹⁰⁷. Тогда в 1858 г. к преподаванию санскрита в Петербургском университете официально был допущен К. А. Коссович, который в это время работал в Императорской Публичной библиотеке и практически уже вел занятия санскритом, как упоминалось выше, с 1854 г., и притом бесплатно.

Казтан Андреевич Коссович (1814—1883)¹⁰⁸, сын священника, в 1836 г. закончил Московский университет со степенью кандидата 1-го отделения философского факультета. Сохранились теплые отзывы Белинского о Коссовиче¹⁰⁹. Молодой выпускник университета несколько лет работал преподавателем греческого языка в гимназиях (в Твери, затем в Москве), а в 1845—1847 гг. вел курс греческого в ЛИВЯ. В 1850 г. он переехал в Петербург и был назначен редактором ученых работ Императорской Публичной библиотеки. В 1851 г. он уезжает в командировку за рубеж: во Францию, в Англию и Германию. Основная цель командировки — отбор книг для пополнения Публичной библиотеки и консультации по вопросам определения восточных рукописей из собрания библиотеки, описанием которых он занимался.

Сроки командировки точно установить не удастся. Во всяком случае, уже в следующем году Коссович снова в Петербурге. До 1858 г. он продолжал работать в библиотеке, однако уже с 1854 г. начал одновременно преподавать санскритский язык в Петербургском университете, не получая за это жалованья. Его успехи в области преподавания санскрита и переводов санскритской литературы были отмечены присуждением ему в 1857 г. почетного звания члена-корреспондента Харьковского университета. В 1858 г. Коссович окончательно перешел в Петербургский университет для преподавания санскрита.

С его приходом в университет санскрит сделался обязательным предметом для «арабско-персидского, китайско-маньчжурского, монголо-калмыцкого и санскритско-тибетского отделений. Для всех остальных восточных разрядов он объявлялся факультативным»¹¹⁰. В 1860 г. успехи Коссовича как преподавателя санскрита были замечены и его назначили исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре санскритской словесности. В 1864—1866 гг. он стажировался за границей, после чего был утвержден ординарным профессором.

Деятельность Коссовича в Петербургском университете следует отметить особо. Если курсы, которые читали Р. Х. Ленц и Б. А. Дорн, в значительной степени были подчинены нуждам сравнительного языкознания и давали слушателям только знание языка, Коссович пытался подойти к преподаванию санскрита как к предмету, необходимому для изучения культуры Индии — и древней и современной. Вместе с В. В. Григорьевым Коссович подал в Министерство народного просвещения записку

о перестройке преподавания на восточном факультете. В этой записке предлагалось перейти от преподавания восточных языков к подготовке специалистов по всем отраслям знаний, связанных с Востоком. По кафедре санскритологии был предложен перечень обязательных предметов для преподавания, включавший 20 курсов, в том числе «санскритскую словесность», «новоиндийские языки», «историю Востока», «религиозные учения Востока», «литературу на новоиндийских языках», «пали». Проект полностью так и не был осуществлен.

Тем не менее Коссович составил программу преподавания ряда дисциплин по индологии, которая была принята на восточном факультете и которую он проводил в жизнь. Он читал курсы по древнеиндийской литературе, по искусству, по индийской архитектуре, по гражданскому и политическому устройству древнеиндийских государств, по греческим источникам об Индии. В 1859—1860 гг. были опубликованы «Вступительная лекция о санскритском языке и литературе» и «Две публичные лекции о санскритском эпосе», которые по сравнению с предыдущими публикациями содержали некоторые обобщения материалов и намечали пути дальнейших исследований¹¹¹. В частности, в них было взято направление на изучение ведийской литературы, «Ригведы» и сопоставление ее с «Авестой»¹¹². Это была первая попытка использовать памятники древнеиндийской литературы для описания древних ариев периода индоиранской языковой общности. Важное место в работах ученого занимали также исследования языка древних иранских надписей¹¹³.

В 1855—1856 гг. Коссович начал составление «Санскритско-русского словаря». Он остался незаконченным, из печати вышли только несколько выпусков, составивших один большой том¹¹⁴.

Работая в Петербургском университете, Коссович не порывал связей с Москвой, находился в постоянном контакте с деканом историко-филологического факультета Московского университета С. Шевыревым, с Д. Языковым и А. Гильфердингом, сотрудничал в славянофильских изданиях. Он писал: «Я же по духу и по сердцу сын Москвы»¹¹⁵. В то же время он постоянно печатался в «Современнике». П. А. Плетнев, редактор «Современника» и ректор Петербургского университета, высоко ценил его переводы. Одной из его наиболее серьезных публикаций 40-х годов, бесспорно, является перевод драмы Кришна Мишры «Торжество светлой мысли» — произведения, затрагивающего религиозно-философские проблемы Индии. При переводе Коссовичу пришлось вплотную подойти к решению задачи, которая и по сей день еще не может считаться полностью решенной в отечественной и западноевропейской индологии, — адекватного перевода философской терминологии.

Коссовичу принадлежит значительное количество переводов древнеиндийской литературы на русский язык. Он занимался переводами эпоса, драмы, «Ригведы». Особенно его внимание привлекла «Махабхарата». Он был первым, кто перевел на рус-

ский язык «Сказание о Сунде и Упасунде»¹¹⁶. В 1854 г. этот же эпизод был переведен Н. В. Бергом, который пользовался подстрочником П. Я. Петрова, и опубликован в том же «Москвитянине»¹¹⁷. Коссовичу принадлежит также перевод на латинский язык «Легенды об охотнике и паре голубей» и «Сказание о Савитри» из «Махабхараты»¹¹⁸ (впервые «Сказание о Савитри» было переведено П. Я. Петровым).

В последний период своей научной деятельности Коссович отошел от санскритологии. Преподаванию санскрита в стенах Петербургского университета он отдал почти 25 лет жизни. Им много было сделано, впервые были поставлены проблемы выделения в языке философской терминологии, в круг исследований начали вовлекаться пракриты. Преподавание языка и литературы сопровождалось горячими дискуссиями о судьбах индийской литературы. Тем не менее Коссовича можно отнести скорее к энтузиастам-пропагандистам: во всех его начинаниях чувствовалось отсутствие серьезной научной школы и строгого научного метода¹¹⁹.

В результате переводческой деятельности ученых России в 30—50-х годах русские читатели получили некоторое представление о древнеиндийском эпосе. К перечисленным выше переводам следует также добавить новый перевод «Сказания о Нале», который в 1851 г. был опубликован братом К. А. Коссовича — И. А. Коссовичем¹²⁰. Довольно широко в русских переводах была представлена индийская драма. Отрывок из «Ригведы» в переводе К. А. Коссовича — «Гимн утренней заре» — вошел в антологию Н. В. Берга «Песни разных народов»¹²¹. В этом сборнике перевод всех персидских и многих башкиро-татарских песен Берг записал со слов П. Я. Петрова, удивительно тонко и поэтично передававшего их. Таким образом, русские индологи в рассматриваемый отрезок времени сделали много для знакомства русских читателей с различными жанрами литературы народов Востока.

В научном же отношении самым важным событием в индологии в этот период явилось составление петербургских санскритских словарей и различных пособий для изучения санскрита — практических грамматик, хрестоматий, антологий, изданий отдельных текстов со словарем и грамматическим комментарием. Эти работы обеспечили возможность индологам следующего поколения продолжить и углубить индологические исследования. С. Ф. Ольденбург, оценивая вклад О. Н. Бётлингга в науку, отметил, что «Большой Петербургский словарь... знаменует собой эру в изучении санскрита. Справедливо можно сказать в этой области о двух периодах: до словаря и после словаря»¹²².

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Источники и характер сведений о Востоке в древней и феодальной Руси	9
Глава 2. Востоковедение в России в XVIII столетии	38
Петровские реформы и востоковедение	38
Востоковедение в Императорской Академии наук	50
Попытки наладить регулярное преподавание восточных языков	60
Вклад в востоковедение сотрудников дипломатического и военного ведомств	64
Вклад учреждений синодального ведомства: восточные языки в программах духовных учебных заведений	70
Переводы книг западноевропейских востоковедов	72
Российская духовная миссия в Пекине. И. Россохин, А. Леонтьев, А. Агафонов	75
Глава 3. Востоковедные центры России в первой половине XIX века	96
Становление и развитие востоковедения в Москве. Московский университет	98
Востоковедение в Дерптском университете	100
Востоковедение в Виленском университете	101
Востоковедение на Украине	107
Киево-могилянская академия	109
Киевский университет	110
Харьковский университет	111
Ришельевский лицей в Одессе	115
Казанский центр востоковедения	118
Азиатский музей Петербургской Академии наук	140
Азиатский архив	142
Петербургский университет	144
Глава 4. Вклад в изучение Востока департаментов дипломатического, военного и финансового ведомств России в первой половине XIX столетия	150
Азиатский департамент Министерства иностранных дел	150
Дипломатические представительства на Востоке	167
Военное ведомство	169
Кяхтинское училище китайского языка	186
Глава 5. Изучение стран Ближнего и Среднего Востока в России в первой половине XIX столетия	195
Кавказоведение	195
Изучение Средней Азии и Казахстана	199
Османистика	202
Иранистика	209
Изучение персидской литературы	219
Становление афганистики	227
Становление египтологии	229
Проблемы семитологии	238
Арабистика. Френ	241
Б. А. Дорн	254
Изучение стран Западной и Центральной Азии. В. В. Григорьев	258

Глава 6. Изучение стран Дальнего Востока в России в первой половине XIX века	267
Китаистика	267
Монголоведение	274
Изучение Тибета	284
Н. Я. Бичурин	289
В. П. Васильев	305
Глава 7. Становление индологии в России	318
Г. С. Лебедев	318
Индология в 30—50-е годы XIX в.	326
Глава 8. Зарождение демократического направления в русской литературе и публицистике о Востоке в XVIII — первой четверти XIX столетия	350
Заключение	368
Примечания	372
Список сокращений	422
Указатель имен	423